

НАША СТРАНА

Год издания—46-ой. Буэнос Айрес, суббота 28 мая 1994

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 28 de mayo de 1994 N° 2286

П. П. Тихонов

ВСПОМИНАЯ ЛЕЙТЕНАНТА

Штрихи боевой страды Русского Корпуса на Балканах

Если боевую страду Русского Корпуса воплотить в одном человеке, более того, если доблесть всего белого офицерства нужно было бы иллюстрировать одним примером, то выбор для меня ясен: таким выразителем русской воинской чести был и навсегда останется лейтенант Леонид Борисович Казанцев.

Сперва он командовал взводом, но в боевой обстановке он фактически командовал 9-ой ротой 2-го полка и приданными ей другими частями 1-го батальона, когда вышестоящие офицеры по той или иной причине выбывали из строя. После боев у Авалы, особенно жестоких, от всего 2-го полка осталось человек 200: ими командовал и вывел их из окружения, спасая таким образом от верной смерти, именно он — лейтенант Леонид Борисович Казанцев.

Корпусник Володя Альбрехт всегда говаривал, что он живет "de ура" (в подарок — по испанскому выражению), благодаря лейтенанту Казанцеву. Мы, Володю, раненного, вынесли из под Авалы. Мы его несли, а Казанцев отстреливался.

Вынесли и командира роты, полковника Нестеренко (впоследствии трагически погибшего в руднике в Аргентине, вместе со всей своей семьей). Вынесли генерала Иванова, раненного в ногу, командира первого батальона 2-го полка. Несли его на плечах — а он грузным был — пока не поймали для него единственную лошадь.

Довелось выносить Казанцеву с поля боя, из под огня, и раненного в легкое инструктора Игоря Козлова. Случилось это во время ночного нападения партизан.

Мы отходили. Отходили с Велико Градиште, где стояла наша учебная рота. Это было начало тяжелого похода, в октябре 44-го. До этого наши казармы были в здании суда округа, в центре города, на берегу Дуная. С одной стороны титовские партизаны, а через Дунай — советские войска. Они пели по вечерам „Катюшу“, а мы — „Вещего Олега“, с рефреном: „Так за Царя, за Родину, за Веру мы грянем громкое ура!“ Слышно было через Дунай, он там не такой широкий. А затем они из катюш по нам палили. У нас же не было такого оружия, всего пулеметы, чешские Зброевки. Что же немцы нам давали?.. Ничего. Это историческая правда.

Но сперва расскажу как мы познакомились с лейтенантом Казанцевым. Мы уже с Толей Калашниковым были в учебной роте инструкторами. С нами Франц Анфилов, Игорь Козлов

— один из лучших, во всех отношениях, боевой, верный друг. Ротой командовал вначале поручик Фишер, замечательный инструктор, офицер раньше служивший в Югославянской армии, спортсмен, мог нокаутировать левой рукой. А теперь назначили к нам инструктором лейтенанта Казанцева.

Игорь Козлов вместе с ним в кадетском корпусе учился, так вот мы его и спросили, что из себя представляет молодой лейтенант. Оказывается он в кадетском корпусе драчуном был, но не потому что забияка, а из-за своего маленького роста (только к поступлению в Военную Академию вытянулся). Его задирали и он отбивался. Всегда был готов сдачу дать. Даже случилось как-то, что кто-то тронул его за спину, а он обернулся и с размаху, не рассмотрев, бац по физиономии! А оказалось, что это его приятель был, просто позвать хотел...

Так вот, появился он у нас в роте, часов в пять утра. И почему-то так вышло, что его никто не встретил. Не по уставу. Еще подъема не было, мы все спали. Это было в самом начале 44-го. Лейтенант Казанцев долго распекал фельдфебеля роты, что его никто не встретил. А мы-то все вместе кончили инструкторские курсы, была у нас спайка — и решили мы за это бойкотировать молодого лейтенанта. Было ему тогда 25 лет.

Надо здесь сказать, что нормальная рота в Русском Корпусе насчитывала человек 160, в то время как в учебной роте их было 250 — 4 взвода.

И действительно мы его бойкотировали первое время. Все исполняли, а никаких дружеских отношений не было. Мы ведь тоже были тогда молодыми.

Но так было только до первого боя. Там он показал себя.

Титовские партизаны напали на наш обоз, которым командовал корнет Гатенбергер. Это было между Велико Градиште и Голубац. И выслали туда на помощь нас.

Это было наше боевое крещение. Бой — на равнине, всюду кукуруза — был непродолжительным. Обоз мы отбили. Здесь лейтенант Казанцев командовал именно под пулями, и командовал именно он, потому что бывший с нами старший офицер растерялся.

Партизанская война такова: ты не знаешь откуда стреляют. Стреляют со всех сторон — и в спину и в лицо и в бок. Одни из наших залегли. И вот он встал перед ними и приказал идти вперед „на ура“. И первым ри-

нулся. Так мы за ним и пошли. Как сейчас помню эту картину. Как сейчас вижу его ведущего нас в атаку „на ура“. Вот и полюбили мы его до последнего дня жизни.

Подле него шел я, рядом Игорь Козлов, Боня Загурский (тоже инструктор, прибывший из Болгарии). И из рядовых никто не дрогнул.

Шли с винтовками наперевес. У лейтенанта револьвер в руке (никто ему его не выдавал, это он свой личный имел, пистолеты, по-моему, только получали командиры роты).

Первый бой. Мы же никогда под пулями не были. Ведь учебная рота это не регулярная часть. Собственно говоря это дети, по 17 лет. Были среди нас и подсоветские, бывшие офицеры — они служили солдатами.

„На ура!“ Партизаны поняли, что имеют дело с частью Русского Корпуса — и дали ходу. Вообще, когда могли, они избегали ввязываться с нами в бой, предпочитая иметь дело с немцами. Побавались...

После этого, дружба — и какая!

И бои. Один за другим. Десятки и десятки боев. И лейтенант Казанцев всегда впереди. Как говорится, он не кланялся пулям, что впрочем не всегда было правильно. Мы же им дорожили: погибнет, а тогда что? В особенности вначале он бравировал, сказывалась старая кадетская традиция. Всегда показывал пример, первым шел, не сзади командовал, во весь рост.

Бравировал, а не надо было. Не берегся. Тогда мы на него нажали и просили: „Вы нам дороже живым, чем хоронить Вас героем“. Мы же душа в душу были с ним после того первого боя. Всегда

Причем я почти никогда не слышал, чтоб он командовал что-нибудь словами. Только взглядом. В этом-то и суть подлинного начальника. Ты чувствуешь, что он хочет. Какие там крики! Достаточно было ему взглянуть и уже каждый знал, что было ему нужно. И наши ответы были такие же: молчаливые — отвечали делом, а не словом.

Ведь в бою все решается в какую-то долю секунды. Нет времени для разглагольствования. А тем более когда партизанщина. Надо избегать всякого лишнего звука.

Помню один раз мы были брошены на произвол судьбы в Велико Градиште. Полевые караулы. Кругом кукуруза, слева кладбище, за каждым надгробным памятником партизан сидит. А мы с лейтенантом Казан-

цевым из одного домика отстреливаемся. Было мое отделение и еще кое-кто, человек десять. Окружили нас совсем и остались мы без патронов. А казармы наши в километрах 4-5-ти... и никакой связи.

Однако один наш солдат, (доброволец, храбрый был мальчик, уже после капитуляции от взрыва брошенных боеприпасов глухонемым остался), Миша Навзоров, галичанин, часа в 4 утра пробился-таки к казармам и на себе принес две сумки патронов. Казанцев его потом к Железному Кресту представил. И отбили нас. Всю ночь шла перестрелка, а наутро партизаны сбегали, много их трупов мы обнаружили в окрестностях нашего домика. (Вообще, отважные красные партизаны никогда не нападали днем, только ночью). В это время Игорь Козлов стоял на мельнице, километра три от нас — и тоже никакой связи.

Смешно сказать, мы, всего человек 20, были выставлены защищать город. Правда Велико Градиште насчитывал только каких-нибудь 20 тысяч жителей, но все же...

Наш же лейтенант Казанцев, когда нас атаковали, в казармах был и узнав о передрыге в одиночку пробился к нам через кишущий партизанами город. Да и потом всю ночь, под сильнейшим обстрелом, ходил, тоже в одиночку, от одной позиции на другую — бодрить. Третья позиция была где-то на Дунае, там Боня Загурский стоял.

Всегда затычкой мы были, где самое опасное место — туда взвод лейтенанта Казанцева.

А был он чрезвычайно скромным. Даже мне не сказал, что получил Железный Крест второй степени, я это узнал лишь после его смерти. А должен был получить первой степени...

Я бросаюсь с темы на тему, потому что у меня будто отрывки киноленты в голове.

Был один эпизод, о котором весь полк говорил. Лейтенант Казанцев ведет учебную роту, укомплектованную сплошь из бывших подсоветских, на занятия. И вот он дает приказ петь. (Мы всегда пели наши старинные марши, „Бородино“, „Взвейтесь соколы орлами“, пели и подсоветские песни. Хорошо пели).

Так он дал приказ — и не поют, молчат. Он второй раз приказал: отказываются петь. Остановил роту, командует: „Ложись!“ Не ложатся. Тогда Казанцев вынимает из кобуры револьвер. Как вынул револьвер, сразу все легли.

Напряженный момент был. Раз вынул револьвер, надо стре-

лять. И мы все, инструктора, приготовили свое оружие. Если он начнет стрелять, то и мы будем, а что же делать? Инсубординация...

Но они легли, а когда лейтенант приказал встать, запели.

Револьвер этот вообще был всегда у Казанцева наготове, и спал он держа его у изголовья. Партизанская война — это же не позиционная. Враг со всех сторон. Стреляют из-за каждого дерева, сколько раз из сена стреляли.

А один раз стреляли из засады — и попали — в лейтенанта Казанцева, но Господь Бог его спас. Это мы в разведку пошли, в Боснии. Шли колонной, человек 20, один за другим. Я, как всегда, рядом с ним шел. Это было на окраине деревни Брко. Кругом все уже было занято врагом, партизаны вплотную подошли — декабрь 44-го. Помню снег валил.

И вот из-за угла дома, с дистанции не более 5-ти метров партизан в Казанцева выстрелил. Но пуля — чудо Божие — попала в кассету автомата, который он нес. И кассета пулю остановила. Иначе была бы смертельная рана — в живот, без госпиталя поблизости.

Я бросился к этому партизану, схватил его за волосы и потащил, чтоб расстрелять его тут же. Как сейчас помню мой крик: „Ты нашего любимого лейтенанта чуть не убил!“ Я вышел из себя, я готов был его задушить, но Казанцев вырвал его из моих рук. Я по сей день ему благодарен, что не допустил расправы.

Впрочем, лейтенанта Казанцева любили все, не только инструктора. Его обожали и рядовые солдаты. Даже те, которые тогда отказались ложиться. Ведь этот эпизод имел место еще во время занятий, когда еще никаких пуль не было. После пуль все изменилось! Они все его за глаза называли „наш Ленья“, „наш Леничка“. И тоже называли забавно так: „лейтенант руки в карманы“. Дело в том, что в самый мороз он часто ходил без шинели, но засунув руки в карманы и слегка осутившись.

И еще в другой раз спас Господь Бог нашего Ленью, когда после особенно жаркой перестрелки под Авалой он засунул руку в карман френча, чтоб закурить — у него там две пачки папирос было — а обнаружил лишь одну труху. Пули разворотили внутренность кармана, пройдя в двух-трех сантиметрах от живота.

Там под Авалой нам пришлось лежать 20 часов под адским огнем. Двинуться нельзя было, но группа Казанцева все-таки пробилась.

А вот отряд лейтенанта Гамбурцева, которого я знал еще по Новому Саду, где он был начальником Русского Сокола, к несчастью погиб. Мы повстречались с этим отрядом между Смедеревом и Гроцком. Видим на хуторе его рота, раздетая, отдыхает. Так они и попали в лапы советам. Мы пошли дальше, а они еще мылись и отдыхали, оружие чистили. Вероятнее всего, они попали в плен и их расстреляли. Мы же две недели не останавливались, не спали, не ели, не раздевались. Были слу-

чай под Авалой, что мы пили лошадиную мочу. Она с кровью шла, потому что лошади были ранены.

И вышли-таки из окружения под командой лейтенанта Казанцева. А офицеры, которые имели более высокие чины, во время этой операции говорили: „Господин лейтенант, мы Вам мешать не будем“. И брали под козырек.

Советские части уже были в 200-250-ти метрах от нас. Советская тяжелая артиллерия была по нашим позициям день и ночь. Мы пробивались в километрах 3-х или 4-х от Смедерева — оттуда на Белград дорога вела. Шли мы, конечно, не по главной дороге. И вот, наконец, остановились на ночлег у небольшого моста.

Расположились по его бокам. Что-то много там было веток и листьев навалено, но мы не задумываясь, прикурнули на них, не выпуская из рук винтовки.

Под утро, когда нас снова начали обстреливать, и мы собирались уходить дальше, оказалось, что под этими ветками лежали трупы советских солдат — голые, распухшие. Мы такими уставшими были, что не почувствовали даже их зловония. А голыми они были потому, что вероятно их сами партизаны и обобрали. Было их человек 20-25. Очень тяжело стало на душе. Мы их перекрестили и пошли дальше. Хоронить не было никакой возможности. Видимо они здесь хотели перейти через реку, немцы их подпустили и расстреляли почти в упор.

Мы пробивались дальше. Шли, шли, все время под обстрелом катюш, под проливным дождем, почти без амуниции. Сбоку еще партизаны наседали, но они стреляли с опаской, так чтоб не особенно высовывать голову.

Однако опасность подстерегала не только извне. Был в нашей группе подсоветский лейтенант Соколовский, здоровый парнишка. Попал он где-то в плен и был прислан нам в качестве пополнения. К концу войны он стал все время подбивать солдат, чтоб не слушались, чтоб делали все наоборот, сам же он хотел возвращаться к советам.

Какая-то ссора возникла в пути и он выстрелил в своего же односельчанина — убил пулей в живот. Здесь, сразу, конечно, военно-полевой суд. Заседали пять минут, приговорили к расстрелу. А кто приведет приговор в исполнение? Парнишке 23 года, но полагалось расстрелять — военное время, идем под пулями. Назначили отделение под командой лейтенанта Казанцева. А он наотрез отказался.

Не сдобровать бы всем нам, если б поручик Фишер не вылезался сам расстрелять Соколовского, и сделал это из собственного револьвера. Спас он этим и Казанцева и нас.

Правда Соколовскому вероятно туда и была дорога, но расстреливать человека делившего с нами боевую страду, в сущности мальчишку, Казанцев не мог.

Вот за это, как и за храбрость, его солдаты сильно любили. Он защищал солдат. Ведь Соколовского надо было, быть может, сто раз расстрелять, но он даже таким не желал зла.

Однако был другой случай, еще хуже. У какого-то немца в хозяйственной части из сумки наш солдат украл рубашку. Это было в начале 45-го, война уже кончалась. Однако немцы заставили этого солдата отдать под суд. Присудили к расстрелу, так сказать, в назидание. Аудитор был немцем, защитник наш унтер-офицер из подсоветских. И тоже назначили наш взвод, чтобы привести приговор в исполнение. Это был хороший мальчишка, просто видать голодно ему было, рубашку на еду хотел обменять. Если б он у русского эту рубашку взял, ничего не случилось бы.

Мы все возмутились. Расстрел! За что! Это было лишь, чтоб показать, что дисциплина не должна падать. А она у немцев — не у нас — уже давно пала. У нас дисциплина была даже в лагере Келлерберге после сдачи в плен.

И лейтенант Казанцев снова отказался. Я лично ходил тогда с ним к командиру 2-го полка и он сказал полковнику Мержанову, что его подчиненные расстреливать не будут. И настоял на своем. Увы, несчастного мальчишку расстреляла-таки другая часть.

Дело в том, что лейтенанта Казанцева немцы уважали, а то и побаивались. У него был крепкий кулак за собой — его подчиненные. Как и у начальника конного взвода, другого героя Русского Корпуса, лейтенанта Петра Голофаева, в отряде которого проявляла бешеную отвагу его собственная жена „Нина-пулеметчица“. Эти группы постояли бы за своих командиров, если надо — умрут все. (Вот только отряд Голофаева — „охотничья команда“ — отличался тем, что был очень хорошо вооружен: от головы до пяток. У него во взводе было больше оружия, чем во всей нашей роте, и обоз был солидный, всего у него там было вдоволь...).

У лейтенанта Казанцева безудержная отвага и полное хладнокровие в бою сочетались с христианским милосердием. Потомственный дворянин Оренбургской губернии, сын белого офицера, принявшего в эмиграции священнический сан, он сам незадолго перед смертью стал диаконом. В первых боях он даже старался, стреляя, не убивать, а лишь ранить противника. И только когда вокруг него стали падать его боевые товарищи, отбросил этот свой обычай.

Он ни разу не матюкнул солдата, ни разу не обидел. А солдаты же постоянно присматриваются к качествам своего командира... Вот почему он был идиолом для них. „Это наш Ленья“ — так выражались солдаты и ни о ком другом подобные слова нельзя было услышать. Он был для них святыней, и не потому что умел устроиться хозяйственно. В этом отношении он был — ноль. Нет. Ценили его и любили за боевые и человеческие качества.

Поэтому наши солдаты-галичане шли за нами не задумываясь. Мы никогда не опасались, что у нас кто-нибудь застрянет или что за нами никого не окажется. Мы шли вперед не оглядываясь. Были стопроцентно уверены, что солдаты не сбегут.

На привалах я много с Леньей

беседовал. На войне как-то мало о ней самой разговариваешь. Главной темой всегда была Россия. О чем же еще говорить, когда знаешь, что завтра или вот через пять минут погибнешь? Сразу после начала германо-советской войны лейтенант Казанцев пошел добровольцем на Восточный фронт в качестве переводчика — помогать России. Он рассказывал об этом периоде ужасы. Он говорил, что видя творимое немцами — потерял свою молодость. Казанцев многих спасал. Врал немцам. Знает что кто-то там что-то поджог, а он, будучи переводчиком, втирал немцам очки, спасал несчастных крестьян у которых немцы отнимали самое последнее, то, что не успели отобрать коммунисты. Сколько крупных неприятностей там у него было, сколько несправедливостей привелось претерпеть. Он еле-еле вырвался из России, немцы его уже подозревали в сообщничестве с партизанами, он мог сам в любой момент погибнуть. А пока не выехал, чтоб поступить в Русский Корпус, спасал русских людей от насилия, от расстрела, от насильственной отправки на работы в Германию. Чтоб спасти людей подделывал документы. Никакими коммунистами эти там поджигатели не были — во всех избах иконы висели. Проклятые немцы! — они и кончили плохо.

С Бранденбургской дивизией он дошел до Терека, оттуда до родного Владикавказа — рукой подать. Но начали немцы откатываться назад. И вот рассказывал он, что горцы, на ломаном русском языке, с неподдельной гордостью ему говорили: „мы русские“.

Рассказывал как впервые перешел русскую границу и землю поцеловал. Подымается с колен и видит как у русских же людей насмешка на губах — где им понять чувства русского эмигранта...

Там он познакомился со старым эмигрантом, журналистом и художником Николаем Ивановичем Плавинским — тоже пошедшим на Восток служить России. Впоследствии в корпусной газете, издаваемой корниловцем полковником Е. Э. Меснером, Плавинский описывал подвиги „лейтенанта К“. И вот любопытное совпадение: в 1936-1938 гг. Николай Иванович редактировал в Софии газету известного монархического мыслителя Ивана Лукьяновича Солоневича „Голос России“. А ровно 30 лет спустя — и по сей день — другую основанную Солоневичем газету, издающуюся в Аргентине „Нашу Страну“, редактирует старший сын лейтенанта Казанцева.

Часто вспоминали мы и о детстве, Ленья много рассказывал о кадетском корпусе. Рано умер его отец, в материальном смысле жизнь у него была тяжелой. Вообще в больших городах Югославии больше эмигранты жили бедно. Легче было тем, кто осел в провинции.

Казанцев окончил Югославскую Военную Академию первым, но поскольку он был русским эмигрантом, то первую награду, саблю, вручили сербу, а ему — вторую, часы. Награды вручал король Александр. Ленья

эти часы, после войны, чтобы своей маме что-то привести, обменял на продуктовый пакет, который целый год держал в неприкосновенности пока не нашел Зою Павловну. Сам голодный как зверь, он этот пакет вез своей маме целый год, но не прикоснулся к нему. В лагере Келлерберге я делился с ним моим скудным пайком.

Да, большей частью мы говорили о России. Ну и о Сербии. Сколько сербских жизней спас Русский Корпус защищая население не только от коммунистов, но и от — особенно — этих паршивых усташей-хорватов! Мы лупили хорватов всюду где могли и где не могли. Ведь эта сволота Анте Павелича убила в Боснии и Хорватии около миллиона православных сербов, только потому что они были православными! Они считались нашими союзниками, но мы им пощады не давали. Проклятые хорваты. Мы сами видели в горах, в Боснии: подходим к дому и перед домом видим целая сербская семья зарезана — тут и старики и старушки и дети, мужчины же в это время в партизанах или в четниках были...

Так вот, иногда хорваты занимали позиции рядом с нашими и мы всегда старались их подбить, так чтоб никто не мог придраться. Они это знали и шаркались от нас больше чем от партизан.

Партизаны, впрочем, тоже хороши были. Например, молоденькие сербки-партизанки зазывали наших солдат — предлагали себя на позициях. Правда больше били на подсоветских солдат. Тех кто к ним пошел, соблазнился — нашли затем истерзанными. Вырезали у них все, что можно было вырезать, а потом расстреливали. Вообще лучше было застрелиться, чем попасть в плен. Под Авалой мы все хранили пулю для себя, но поганы не сняли, как их снимали немцы.

И мы не расплачивались за жестокость — жестокостью. Было однажды такое: мы боем пробились в Биелину, большой город Югославии. В центре города заняли гимназию. Выставили танк (его нам придали немцы) — город в наших руках. В гимназии сторож — бывший сокол — угостил нас большой кастрюлей гуляша. Но я сперва пошел часовых расставлять — трехэтажное было здание. И вот на третьем этаже нахожу я спрятавшуюся партизанку: в сербской форме и с красной звездой, дочерью сторожа оказалась. Я доложил Лене. Стали думать, что делать. Ведь если отдать немцам — расстреляют. Сорвали мы с нее звезду и — Бог с тобой, уходи. Ее родители нас на коленах благодарили...

Но вернемся в Велико Градиште.

Уже Белград был взят советскими войсками, а мы все на Дунае Вещего Олега поем и отбиваемся, как от мух, от партизан. И советские войска нас обстреливают. Несмотря на присутствие командира батальона, командира роты и обер-лейтенанта, фактически, командует всей группой никем не назначенный молодой лейтенант Казанцев. Наконец приходит приказ из штаба полка отступить от Велико Градиште. Приказ при-

шел вовремя: осталось буквально пять минут до нашего полного окружения. Оставляем наши казармы в центре города, выходим из Велико Градиште. Проходим 5-6 километров строем, с песней и вдруг... приказ возвращаться: „Усмотритесь на Доньи Милановац и не рыпайтесь“. (Там стояли часть корнета Черниченко и другие, но они тоже уже отходили понеся потери до 40 процентов своего состава). А за это же время партизаны уже заняли наши казармы! Мы возвращаемся, но титовцы не принимают боя — покидают казармы, предварительно все разграбив. Проходят два-три дня, положение жуткое, связи никакой нет и вот, совершенно случайно, наш телефонист поймал приказ уже от штаба корпуса — выступать нам снова. Если б не этот приказ генерала Штейфона, крышка бы нам. Мы конечно дрались бы до конца, но не партизаны, а советская армия нас бы раздавила.

Вышли мы на Гродск, двинулись к Белграду по Авальскому шоссе... и наткнулись на совет-

ские танки. У нас же не было никакой связи, а Белград оказывается уже пал. С этого момента мы и попали на гору Авалу.

Идем дальше. Идем, идем, выбиваемся из сил, кажется вот-вот свалимся с ног, но вот налетают советские истребители и откуда-то появляется энергия, чтоб добежать до какого-нибудь укрытия.

Две недели шли ободранные, босые, по дороге собирали оружие, брошенное другими, но конечно обозы наши потеряли. Больше всего мне было обидно, что пропали снятые на войне фотографии.

Вообще, самые тяжелые бои Русского Корпуса были именно под Авалой. Много писалось о боях в Бусоваче. Но там был сосредоточен кулак — части из трех полков, под командованием легендарного полковника Рогожина, будущего командира Русского Корпуса. Они были все вместе. А сколько нас было? Брошенных... Насупротив советской армии нас была капля в море, 250-300 человек. Да и вообще на протяжении всей войны

2-ой полк был разбросан по всему Дунаю, по маленьким деревням, взводами. Поэтому самые большие потери были именно у 2-го полка — до 80 процентов личного состава.

Не случайно, после боев у Авалы, в местечке Старая Янковца были выстроены перед командиром Русского Корпуса остатки 2-го полка, выведенные из окружения лейтенантом Казанцевым. И вот, перед всеми, генерал Штейфон официально, приказом по Корпусу, объявил лейтенанта Казанцева героем Корпуса, призвал следовать его примеру, а нам, всем его подчиненным, выразил свою благодарность.

Героизм свой наш Леня проявил и в деле под Биелиной, где я, кстати, заработал Железный Крест — взял холм на ура. И лейтенант Казанцев меня к нему представил, и немцы представили — за одно и то же дело. Был это конец 44-го и нас послали из Брско пробивать дорогу 7-ой немецкой армии, которая отступая из Греции, где-то застряла.

на нас обрушились со всех сторон. Лейтенант Казанцев приказал одному из унтер-офицеров занять положение под холмом, но вместо этого тот каким-то образом оказался в тылу. Там тяжелые пулеметы стояли и не давали нам проходу. Подъем был весьма крутой. С одним отделением я „на ура“ атаковал холм — и мы его взяли. За все это дело первым должен был получить орден сам Казанцев. Он сто раз его заслужил — и первой степени. Как ни странно, он не был однако представлен к награде. Только Бог знает как нас не скосили. Метров 90 надо было подняться, чтоб пробить себе дорогу. Мы взяли один пулемет, здесь же его повернули и начали стрелять по сбегавшим с холма партизанам и болгарам. Помню, пулемет, который я захватил, я передал моему заместителю, Судко. Он стрелял пока не произошла осечка.

Выручили немцев... Кстати, Русский Корпус критиковали за то, что он пошел вместе с немцами. На это, наш командир, генерал Штейфон (вместе с генералом Кутеповым один из создателей Галлиполи), ответил: „Хоть с чертом, но против большевиков“. И правильно ответил. Что еще отвечать? Не все ли равно с кем? Хоть с абиссинцами — так мы всегда говорили на фронте. Мы же не поступили в Русский Корпус свою шкуру спасать. Ведь большинство из нас не выжило же, а погибло.

Когда в 44-ом году, после покушения на фюрера был приказ по Вермахту употреблять приветствие „Хайль Хитлер“, то мы вообще эти слова не повторяли. Хотя были остряки, которые вместо них издевательски говорили „Хальб литер“ (пол литра). И не присягали мы ему. Мы будем Гитлеру присягать!? Я жил в Банате, богатейшей провинции Югославии. Мы жили хорошо, мы не пошли в Корпус за кусок хлеба. Пошли идейно. Мы проклинали, а не присягали. Хоть и священник наш там стоял, на такую хитрость немцы пошли.

И еще критиковали Русский Корпус потому что его штаб был сплошь монархическим. Там засели только монархисты-легитимисты во главе с генералом Штейфоном, и начальником штаба, генералом Гонтаревым. Это кое-кому не нравилось. Возмутились, что мол черносотенцы забрали в руки Корпус. И слава Богу! — не солидаристы. Кстати, многие говорили, что Штейфона отравили и даже называли имя доктора, который будто бы отравил.

Во всяком случае, за десятилетия, прошедшие после конца Гражданской войны русский народ понял, что он имел и что он потерял в лице Белой Армии, неотъемлемой частью которой являлся и Русский Корпус на Балканах. И идеи этой армии, не выиграв в военных столкновениях, теперь все сильнее охватывают Россию. Такие рыцари без страха и упрека как лейтенант Леонид Борисович Казанцев не дожили до выздоровления родины, которой они отдали всю свою молодость без остатка. Но именно их жертва впиталась в русское сознание и ныне дает всходы. Вечная им память!

П. П. Тихонов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

МАСОНО-БОЛЬШЕВИКИ

Нам пишут из Москвы:

Известный историк Олег Платонов опубликовал в газете „Литературная Россия“ исследование о связях масонства с материализмом, основанное на материалах недавно открытых архивных фондов, в частности, документов управления КГБ СССР. Историк начал свою статью цитатой главы Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого). „Под знаком масонской звезды, — писал в 1932 году митрополит, — работают темные силы, разрушающие национальные государства. Масонская рука принимала участие в разрушении России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки масонским. Пятнадцатилетнее наблюдение вочичию поочно всему миру как вочичию учителям и как порабителю русского народа верны программе масонских лож по борьбе с Богом, с Церковью, с христианской нравственностью, с семьей, с христианским государством, с христианской культурой и со всем тем что создало и возвело нашу родину“.

О. А. Платонов утверждает, что выводы митрополита Антония подтверждаются недавно открытыми архивными материалами свидетельствующими о тесной связи большевиков и масонов.

Еще весной 1914 года масон-большевик И. И. Скворцов-Степанов по поручению Ленина ведет переговоры с масонами А. И. Коноваловым и П. П. Рябушинским, на предмет получения денег. Придя к власти, Ленин налаживает тайные связи с зарубежными масонскими ложами и прежде всего выделяет значительные суммы на ремонт великого востока Франции на улице Каде в Париже.

Масон Н. В. Некрасов, бывший министр Временного Правительства, пользовался покровительством Дзержинского и получил пост руководителя Центросоюза. Другой высокопоставленный масон, министр Временного Правительства М. И. Скобелев, также поступил на службу большевиков, став в 1922 году членом их партии, и возглавлял концессионный комитет РСФСР занимавшийся распродажей российских ресурсов за границу.

Самый главный представитель большевиков в масонстве, Скворцов-Степанов в первом советском правительстве получил пост наркома финансов, а затем был главным редактором газеты „Известия“. По словам О. А. Платонова „близкий масонский брат Скворцова-Степанова, большевик С. П. Середа уже в 1918 году получил пост наркома земледелия. Почти с полной уверенностью можно говорить о принадлежности к масонству ближайшего ле-

нинского соратника Л. Б. Красина, которому вождь поручал самые грязные и кровавые дела, особенно связанные с деньгами. Именно через него шло финансирование большевиками Великого Востока Франции, повлиявшее на признание большевицкого режима Западом.

О. А. Платонов отметил затем, что „близко к Красину стоит и другая злопещая фигура масонского подполья — Г. И. Бокий, организатор большевистских бандформирований 1905-1907 годов, а после октябрьского переворота один из руководителей ЧК и покровитель масонства в этом учреждении“.

Автор исследования подчеркнул также, что „один из главных участников погрома русской национальной культуры масон А. В. Луначарский 12 лет занимал пост наркома Просвещения. В своей деятельности активно протезировал масонским братьям. Из множества примеров достаточно назвать поддержку им таких масонов, как историк П. Е. Щеголев (сфабрикованной, очерняющей Царскую Семью), литератор С. Д. Мстиславский (участвовавший в подготовке покушения на Царя), директор Дома Ученых А. Родэ (бывший содержатель ночного клуба, активный участник грязных масонских интриг против Царя и Г. Распутина)“.

Еще один масон высокой степени посвящения выполнявший обязанности секретаря масонских лож Великого Востока в России, Н. Д. Соколов, сразу же после революции перешел на службу к большевикам и был назначен юрисконсульт советского правительства, которое он благополучно консультировал вплоть до своей смерти. Большевики высоко ценили автора знаменитого „приказа номер 1“ разрушившего русскую армию, к тому же тесно связанного с германской разведкой во время Первой Мировой войны и получавшего тогда деньги из той же кассы, что и высокопоставленные большевики“.

Из крупных военных, принадлежавших к масонским ломам, на службу большевикам перешли бывший царский военный министр А. А. Поливанов, управляющий военным министерством Временного Правительства А. А. Манниковкий, начальник управления железных дорог Ю. В. Ломоносов. Перешел на службу большевикам и бывший товарищ министра внутренних дел, масон, генерал В. Ф. Джунковский. Он был использован большевиками в чекистской операции „Трест“ в качестве подсадного провокатора в заграничных монархических кругах.

Из других крупных масонов служивших большевикам О. А. Платонов упоминает еще бывшего ректора Московского университета А. Мануйлова, ставшего одним из руководителей Госбанка.

Олег Платонов сообщает, что в 1925 году в ГПУ сотрудничал с предложением сотрудничества генеральный секретарь Автономного Русского Масонства, Б. В. Асторов, подчеркнувший, что и масонство и большевизм преследу-

ют общие цели, и написавшего, в частности, что „прежде всего их сближает пятиконечная звезда, являющаяся малым гербом СССР и принятая в Красной Армии. Эта звезда — весьма почитаема в масонстве как символ гармонично развитой человеческой личности“.

О РУССКИХ ФАШИСТАХ

Нам пишут из Нью Йорка:

В рецензии на книгу Джона Стефана „Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925-1945“, напечатанной в „Новом Русском Слове“, Э. Штейн написал, что „русский фашизм имел мистическо-религиозную основу, учитывающую страждующую душу россиянина за рубежом. И этой своей „достоевщиной“ он резко отличался от безбожья приверженцев Муссолини и Гитлера. Возможно поэтому Всероссийская Фашистская Партия А. Вонсяцкого с 1935 года была в Третьем Рейхе запрещена; а годом позднее итальянский авантюрист международного калибра Амлето Веспасиани написал: „Русские фашисты — пятно на добром имени итальянского фашизма и оскорбление всего, что он демонстрирует миру под руководством дуче“.

Э. Штейн отмечает затем, что Михаил Матковский, правая рука Михаила Родзаевского, был против юдофобских замашек, а Анастасий Вонсяцкий, этот вообще был юдофилом. Антисемитизм в любом его проявлении не только отвергался, но подлежал осуждению. Для своих соратников фашистскую форму А. Вонсяцкий сшил в еврейском ателье. С главным редактором „Нового Русского Слова“ Марком Ефимовичем Вейнбаумом в 1934 году обсуждал возможность печатания своих статей в газете, и с ее страниц в 1938 году прозвучал знаменитый антисталинский выпад Вонсяцкого: „А ведь Сталин — самый лучший фашист из всех. Скольким коммунистов убил — даже больше, чем я!“

По словам Э. Штейна, „Анастасию Вонсяцкому в книге „Русские фашисты“ посвящено главенствующее место. „Этому герою (без кавычек) белой борьбы удалось вбегать в американскую милицию, представителю высшего слоя страны. С уверенностью заявляю, что по „паблисити“ Анастасий Вонсяцкий поставил абсолютный рекорд в эмиграции, который в обозримом будущем едва ли будет превзойден. „Вонсяциана“ Америки все еще ждет своего исследователя: ведь Эптон Синклер вывел Вонсяцкого в одном из своих романов, причем под его собственным именем“.

Э. Штейн написал затем, что активный участник русского фашистского движения Николай Николаевич Петлин, несмотря на трудиться, занимаясь сейчас издательской деятельностью. Ряд лет он был главным редактором газеты „Русская Жизнь“ в Сан Франциско. Недавно он выпустил сбор-

ник сатирических рассказов. „Русский фашизм в своем первоначальном виде навсегда исчез. Нынешнее его „новация“ никакого отношения к „оригиналу“, кроме разве самого названия не имеют“, заключает Э. Штейн.

ПРАВДА О ПОГРОМАХ

Нам пишут из Сан Франциско:

Выходящая здесь газета „Русская Жизнь“ опубликовала заметку, в которой написала, что корреспондент газеты „Лос Анжелес Таймс“ в Москве, некий Гилциг склоняется к мнению, что „Протоколы охранных мудрецов“ написаны „охранкой“ для раздувания погромов.

Газета подчеркнула, что „это распространенное мнение многих антирусских писак, которые вспоминают о погромах с очень малым числом жертв и забывают о массовых истреблениях евреев в Англии, Португалии и Испании. В этих странах осуществлялось правительство, тогда как погромы в России проводились хулиганами и бандитами, которые не столь хотели „истребить“ евреев, как поживиться их пожитками“.

Царская же власть, наоборот, погромщиков преследовала и наказывала.

ДВА ГЕРОЯ СОЛЖЕНИЦЫНА

Нам пишут из Москвы:

В статье опубликованной газетой „Известия“ Константин Кедров написал: „Почему так запомнился и полюбился россиянам солженицкий зек Иван Денисович, останется тайной на все времена. Иван Денисович вроде бы и из XX века и все идеологические накачки прошел, но только душа и мозг его абсолютно не затронуты всей этой идейной галитматией. В душе и характере Ивана Денисовича есть та щемная сердцем простота, которая позднее так точно угадана Солженицыным в характере последнего русского Государя. Николай Второй — царь, Иван Денисович — зек, между ними несколько десятилетий со враждебной и царю и крестьянину, но что-то очень роднит этих двух литературных героев“.

Затем К. Кедров отметил, что „в свое время Пушкин сравнил автора „Истории Государства Российского“ с Колумбом, открывшим русским их собственную историю. Колумб после открытия Америки жил в опале, но на свободе, Карамзин был заслуженно обласкан обществом и Государем за свой титанический труд. Солженицын, открывший всему миру архипелаг ГУЛаг, поплатился за это отгнанием в Америку“.

По словам автора статьи, „Записки из мертвого дома“ Достоевского кажутся невинной рождественской сказкой перед тем, что открываются читателю в документальной эпопее Солженицына.